

НЕ СКЛАДЫВАЕТСЯ у меня с телевизором: как ни включу (признаюсь, очень редко!), так душевная рана или эмоциональный шок. Изливаются мои скорби на ближайшее окружение — писать об этом «и скучно, и грустно», и тошно. Чаще всего — именно тошно. А проходит время, все забывается, притупляется и в свободный вечерок рука вновь тянется к красной кнопке мучителя и душителя возвышенных мыслей и чувств.

Наверное, точно так же забыла бы я со временем шок, испытанный от просмотра телефильма о Романе Виктюке, если бы судьба не подкинула услужливо и коварно свеженький сюжет для небольшого стресса: напыщенно-красивый, восторженный с придыханием очерк В. Клименко «Синяя птица Романа Виктюка».

Режиссеров на свете много. Плохих, хороших и разных. И рекламировать себя и свое искусство умеют они плохо, хорошо и по-разному. В этом ничего зазорного — каждый живет, как умеет. Но все-таки существуют некие нравственные нормы и мерки, они, если позаимствовать речение из очерка В. Клименко, «подобны дыханию Бога, гармонизируют и мир, и каждого из нас». В число этих норм и мерок, хотим мы того или не хотим, непременно норовит проникнуть понятие «личность». И проникает, какие заслоны, какие баррикады ни выстраивай на пути!

Сегодня мы читаем множество мемуаров — они созданы и великими людьми, чьи имена на слуху и на памяти. Но и теми незаметными участниками текущего бытия, движущейся истории, что запечатлевали ее так, как видели, понимали. Что интересно нам в этих свидетельствах? В каких каретах разъезжали, какой величины индеек поглощали на семейных обедах, тяжелыми или легкими родами появлялись на свет потомки и прочие бытовые мелочи? Конечно! Но все же в первую очередь — личность человека, эти мелочи пережившего, перебо-

**Только
о себе,
лапушке,
беспокоюсь...**

левшего ими и поведавшего о них. Даже если и предназначались воспоминания узенькому кружку внуков и правнуков.

Ну, а коли нет личности — зачем мне, право, знать меню прошлых веков? Вряд ли я смогу насытиться им. Еще разобихусь, что на долю моего поколения многого не досталось.

Но это — лирика. Хотя имеющая к Роману Виктюку отношение самое непосредственное. Мне он давно уже перестал быть особенно интересным, пожалуй, со времен «Анны Карениной» в театре имени Вахтангова,

«Мелкого беса» в «Современнике». Пытаясь объяснить, почему душа моя к данному режиссеру мало расположена, я вывела две формулы для сугубо внутреннего употребления. И вряд ли огласила бы их, не дай мне режиссер и его страстный поклонник такие поводы.

Первая формула заключена в том, что есть трагедия, есть комедия, а есть Виктюк, особый жанр, до которого я не доросла в смысле духовном. Почему? — по второй формуле: люблю мужчин отдельно, а женщин отдельно, всеми силами отвергая некую «смежнополость», которую Виктюк возводит в особую эстетическую категорию, любуюсь ею откровенно и поклоняясь ей самозабвенно.

Почему же в таком случае, раз и навсегда «выяснив» свои отношения с этим режиссером, я мазохистски уселась перед черно-белым ящиком? Извините, пыталась понять, что же за личность сам Виктюк, что за магнетизм исходит и от чего, собственно говоря, он исходит?

Я увидела томного маэстро, закутанного в плащ и медленно проезжающего в пролетке по улицам скорее всего американского города в глубокой задумчивости. Потом мне продемонстрировали маэстро в неглиже (ибо вид Виктюка в шортах на пикнике эстетического восторга почему-то не вызвал, скорее, наоборот). А еще мне посчастливилось увидеть, как Виктюк истерически кричит на репетиции «Лолиты»: «Не то, не так, не так!» и с той же страстью: «Гениально!» — а про что кричит — не показала, видимо, для простого телевизионного обывателя это не так уж и важно: вместо мук актеров я видела то правый, то левый рукава виктюковского пиджака, иногда крылья шарфа, иногда глаз. И, простите великодушно, личности не углядела — вероятно, оттого, что слишком стремительно бегал по репетиционному залу Виктюк и камера никак не успевала запечатлеть творческий процесс. Остался лишь разрывающий барабанные перепонки крик.

Виктюк на пляже. Виктюк бродит по родному Львову и показывает старую аптеку, где можно было вылечиться от «дурных болезней», и Дворец пионеров (бывший публичный дом), где он впервые приобщился к искусству. Двусмысленно, полагаете? — по-моему, совсем нет. Ведь он читал там стихи о том самом дедушке Ленине, что некогда лечился по соседству.

Виктюк в роскошном номере отеля, утомленный, томный, полулежа в халате слушает внутренний голос себя, любимого. Виктюк в не менее роскошном ресторане с кокетливой улыбкой расспрашивает официанта, принесшего ему блюдо с поросенком, как же эту красоту резать. Виктюк с бокалом шампанского. Виктюк на поклоне после премьеры, в цветах и бабочке.

Все есть. Личности нет.

Но скоро, как сообщает читателям «Вечерки» В. Клименко, у Виктюка выходит книга. Название скромное, неброское: «Театральный Роман», тема, всегда волнующая: «это и подведение итогов прожитых лет, это и моментальный снимок сегодняшнего дня мастера... А пока книга еще не вышла, премьера не состоялась, синяя птица не поймана (??? — Н. С.), душа художника говорит с Богом, и лишь немногим удается подслушать этот диалог...»

Подслушивать, по-моему, вообще не совсем прилично. Лучше — вообразить. Каждый, разумеется, волен фантазировать по-своему. Мне этот диалог, почему-то видится приблизительно таким, как в сказке Шварца «Два клена», когда Баба-Яга беседует сама с собой: «Я баба яга, умница, ласточка, касаточка... Я в себе, голубке, души не чаю. Тем и сильна. Вы, людишки, любите друг дружку, а я, ненаглядная, только себя самое. У вас тысячи забот — о друзьях да близких, а я только о себе, лапушке, и беспокоюсь».

Наталья СТАРОСЕЛЬСКАЯ.

Юнгин
Юнгин

Журнал и сценарий - 1993 - 1-844012-